

Стереотипное восприятие животных в нидерландском языке: результаты лингвистического эксперимента

Екатерина В. Терешко ^{a, b, @, ID}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

^b Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

@katja.tereshko@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-1916-1851>

Поступила в редакцию 05.10.2018. Принята к печати 28.01.2019.

Аннотация: В статье представлены данные, полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 235 нидерландцев и фламандцев. Эксперимент был направлен в первую очередь на выявление стереотипных признаков животных в сознании носителей нидерландского языка, которые проявляются, с одной стороны, в возникающих свободных ассоциациях с зоонимами, с другой – при составлении сравнений типа *глупый как осел*, по форме соответствующих устойчивым сравнениям как одной из разновидностей фразеологизмов. Эксперимент также должен был дать ответ на вопрос о характере связи между образом животных, отраженным в свободных ассоциациях, и образом, возникающим у носителей при создании таких сравнений. Материалом послужили нидерландские зоонимы, которые в ходе эксперимента были предложены респондентам в качестве стимулов: в первой части респондентов просили назвать прилагательное или наречие, которое придет им в голову при упоминании соответствующего животного, во второй части – дополнить устойчивые сравнения с зоонимами, в которых составители анкеты опустили прилагательное. Вариативность ответов, полученных во фразеологической части эксперимента, значительно превысила ожидаемую. Сравнение результатов первой и второй частей эксперимента выявило как значительное совпадение стереотипов, закрепленных во фразеологии и существующих вне ее рамок, так и некоторые различия. Отмечается, что стереотипные образы животных со временем изменяются, а под воздействием этих изменений могут меняться и / или возникать новые устойчивые словосочетания с зоонимами.

Ключевые слова: стереотип, когнитивная лингвистика, ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, зооним, фразеология

Для цитирования: Терешко Е. В. Стереотипное восприятие животных в нидерландском языке: результаты лингвистического эксперимента // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 285–296. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296>

Введение

В последнее время в языкознании получило широкое распространение направление когнитивной лингвистики, в которой центральное место занимает понятие языковой (наивной) картины мира. Как пишет Е. В. Иванова, «понятие языковой картины мира (ЯКМ), прочно вошедшее за последние двадцать лет в научный обиход, позволило по-новому взглянуть на семантику языковых единиц и описать ее как отражение мировосприятия, обусловленного культурно-историческими и природно-географическими условиями проживания языкового социума» [1, с. 136].

Кроме понятия ЯКМ многие учёные, работающие в русле когнитивной лингвистики, пользуются терми-

ном *концептуальная картина мира* (ККМ). В отличие от ЯКМ ККМ является «основой языкового воплощения, словесной концептуализации знаний человека о мире» [2, с. 46]. ККМ, или модель мира, непрерывно изменяется, отражая результаты познавательной и социальной деятельности, однако в ней могут сохраняться пережиточные представления людей о мире.

В рассматриваемом направлении лингвистики часто используются такие понятия, как концепт, метафора, стереотип, прототип и др. Прежде чем переходить к рассмотрению результатов проведенного эксперимента, необходимо провести границы используемых терминов. В современном научном сообществе пока не сложилось единой точки зрения на объем и содержание терминов

концепт и стереотип, поэтому в данной статье будет представлен обзор исследований, затрагивающих эти понятия, поскольку они важны для интерпретации результатов проведенного эксперимента.

Концепт

Как отмечает С. Г. Воркачев, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе с конца XX века сталкиваются "концепт" (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. П. Нерознак, С. Х. Ляпин, Е. В. Иванова), "лингвокультура" (В. В. Воробьев), "мифологема" (М. Ляхтеенмяки, В. Н. Базылев), "логоэпистема" (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался "концепт", по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [3, с. 41].

Несмотря на «победу» термина *концепт* в этом столкновении, его определение все еще вызывает трудности и зачастую дается от обратного. Хотя по сравнению с другими направлениями в языкознании когнитивная лингвистика и является молодой наукой, в России существует уже несколько школ, в каждой из которых методы и понимание некоторых терминов, в том числе основного термина когнитивной науки в целом и лингвокультурологии в частности – концепта – могут несколько отличаться.

Необходимо отметить, что «представители этих школ едины в признании того, что концепт является основной единицей сознания, он имеет овеществление (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию) языковыми средствами; через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт, хотя в любом случае такое описание не будет исчерпывающим, так как оно основывается только на языковых данных, а концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания; вместе с тем анализ содержания концептов через данные языка дает достаточно богатый и наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концептов» [4, с. 5].

А. Вежбицкая определяет концепт следующим образом: концепт – это «объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире "Действительность"». <...> Концепт имени охватывает преломления всех видов знания о явлении, стоящим за ним. <...> Все то, что "подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структу-

ры» [5]. В Кратком словаре когнитивных терминов это понятие определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с. 90].

Вопрос о вербализации концепта поднимается З. Д. Поповой, И. А. Стерниным [7], В. И. Карасиком [8]: учёные приходят к выводу, что человек мыслит посредством концептов, при этом эти концепты могут как иметь языковую репрезентацию, так и не иметь таковой. То есть концепт может существовать в сознании, причем и в сознании большого количества людей, но быть невербализованным.

Язык в когнитивной лингвистике считается одним из способов проникновения в сознание носителя того или иного языка и понимания механизмов его мышления. Исследователи признают, что анализ языка не может предоставить всех данных о мышлении, однако этот способ считается одним из самых надёжных, и одним из самых разработанных, т. к. вопросом о связи языка и мышления задаются уже очень давно и лингвисты, и психологи, и представители других отраслей гуманитарной науки.

Рассмотрим подходы к определению концепта ведущих исследователей, работающих в русле когнитивной лингвистики. Вслед за редакторами «Антологии концептов. Том I» [4] мы выделим четыре основных точки зрения на концепт, представленные лингвистами в каждом направлении, и попытаемся обозначить особенности каждого подхода к термину концепт, что поможет выделить его основные признаки.

Самобытным исследователем в области когнитивной лингвистики нам представляется М. В. Пименова [9]. Концепт по М. В. Пименовой – это «совокупность признаков, необходимых и достаточных для идентификации фрагмента мира или части такого фрагмента», кроме того, «концепт обладает определенной структурой когнитивных признаков» [10, с. 131] и дополняется «признаками индивидуального опыта и личного воображения» [4, с. 16]. Суммируя, можно сказать, что М. В. Пименова видит концепт как знание о некотором фрагменте мира, выражающееся на многих уровнях языка.

Немного отличается подход к концепту исследователя С. Г. Воркачева [11]. Он сразу ограничивает область своих интересов лингвокультурологией и определяет концепт именно с этих позиций. Лингвокультурология занимается языковыми выражениями культуры, которая воспринимается как «символическая Вселенная» [4, с. 11], а её проявления должны быть этноспецифичны. Концепт по С. Г. Воркачеву, это «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену

представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в "снятом", редуцированном виде. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмоциональность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [4, с. 11].

Еще одним разработанным подходом к концепту является семантико-когнитивный подход И. А. Стернина и З. Д. Поповой [7]. В названии этого подхода уже отражён его принцип: через семантику языковых знаков исследователи пытаются проникнуть в когнитивные процессы, проходящие в сознании носителей определенного языка. Концепт воспринимается ими как «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [4, с. 7].

Описывая в своей монографии «Семантико-когнитивный анализ языка» [7] современное состояние когнитивной лингвистики, И. А. Стернин и З. Д. Попова выделяют в этой науке, вслед за Е. Ю. Балашовой [12, с. 6], два основных направления: лингвокультурный, к которому можно отнести взгляды вышеперечисленных исследователей, и лингвокогнитивный. Представители лингвокультурного подхода анализируют отражение культуры в сознании человека посредством анализа и интерпретации языковых знаков, в которых эти элементы культуры проявляются. Представители лингвокогнитивного направления считают, что в качестве способа осуществления мыслительной деятельности человека лежит концепт как особое ментальное образование, которое содержит информацию об окружающем мире и входит в концептосферу социума. Семантико-когнитивный способ анализа языкового материала, предлагаемый И. А. Стерниным и З. Д. Поповой [7], можно отнести именно к этому направлению когнитивной лингвистики, т. е. это подразумевает, что концепт воспринимается исследователями как неотъемлемый элемент сознания человека, его составная часть.

Стереотип

Вышеописанное понимание концепта на основе лингвокогнитивного подхода, реализуемого в рамках семантико-когнитивного анализа языка, по И. А. Стернину и З. Д. Поповой [7], представляется нам наиболее подходящим для нашего исследования, т. к. оно максимально объективно описывает данное явление. Однако такой подход к термину подразумевает невозможность рассмотреть концепт во всей его полноте, ведь при любом

объеме исследования на периферии всегда будут оставаться индивидуализированные элементы концепта, сбор и анализ которых не представляется возможным. Это не означает, что не нужно делать попытки такого анализа, но необходимо отдавать себе отчет в монументальности подобного замысла. Кроме того, даже осознавая существующие трудности, сложно определить, где и когда наступает граница, после которой дальнейший анализ того или иного концепта не будет эффективен.

Исходя из вышесказанного и осознавая весь объем и наполненность образов животных, в частности в нидерландском языке, мы, стремясь очертить область исследования и не чувствуя за собой права пытаться вписать исследование концепта в формат статьи, решили обратиться к другим единицам когнитивистики, таким как фрейм, скрипт, концептуальная метафора, при помощи которых моделируется тот или иной концепт [4, с. 15]. Еще более узкой составляющей концепта нам представляется стереотип.

Если обратиться к ранним исследованиям стереотипов, нельзя не упомянуть нидерландского лингвиста Т. А. Ван Дейка, который, занимаясь политическим дискурсом, не мог не отметить отражение стереотипов в лингвистике: *"people not only have ethic stereotypes but also linguistic or textual stereotypes, such as fixed expressions, locutions, or proverbs"* (у людей есть не только этические стереотипы, но и языковые или текстовые стереотипы, как, например, устойчивые выражения, локуции или поговорки¹) [13, p. 73].

И. В. Силантьев и Ю. В. Шатин [14], занимаясь соотношением стереотипа и дискурса, выделяют шесть основных черт стереотипа: «а) доксологичность; б) коллажность; в) словесная избыточность; г) мягкость дискурсии; д) отсутствие критической рефлексии; е) высокая прагматичность, предполагающая возможность перформатива» [14, с. 12]. Основываясь на этих шести признаках, можно говорить о том, что стереотип воспринимается всеми носителями какой-либо культуры как общее место (докса), общее мнение, не требующее доказательств или уже доказанное, что также связано с его практической направленностью: как аксиомы в математике используются для построения доказательств более сложных логических построений, так и стереотипы могут использоваться в качестве неоспоримых аргументов. Стереотип также является вырванным из контекста знанием, что обусловлено мозаичностью современной культуры (а в прошлом просто оторванностью какого-либо отрезка знания от остальной информации о мире), это объясняет отсутствие критической рефлексии, ведь если какой-то отрезок

¹ здесь и далее по тексту перевод автора статьи.

информации изолировать от остального дискурса, то сама возможность рефлексии пропадает.

Понятие стереотипа впервые начало использоваться в социологии, а после распространилось на области психологии и теории коммуникации, истории литературы и культуры. Польский исследователь Е. Бартминьский [15, с. 133] ссылается на работы по философии языка Х. Патнэма [16], которые позволили включить вопрос о стереотипе в проблематику референции и рассуждать о нем в контексте повседневного общения. Однако в каждой области научного знания стереотипы определялись по-разному, в зависимости от того, в каком контексте – социальном, психологическом или эпистемологическом – этот термин использовался.

Первое определение стереотипа было предложено социологом и политологом У. Липпманом [17] и звучало так: «образ в голове человека некоторого явления (образ односторонний, частичный и схематичный) и одновременно мнение о нем» [15, с. 134]. При таком подходе можно говорить о двух функциях стереотипа: 1) психическая функция отвечает за экономию усилий по познанию мира (если бы мы постоянно сталкивались с новой

информацией, а не опирались бы на усвоенные или сформированные собственным опытом предварительные знания, сам процесс познания был бы, наверное, невозможен, потому что невозможно было бы усвоить такой объем информации); 2) общественная функция стереотипа отвечает за защиту широко понимаемой общественной позиции, а также за чувство причастности отдельного индивида к какой-либо группе людей.

Е. Бартминьский [15] выводит понятие стереотипа на новый уровень, уводя его за пределы стереотипов о других национальностях и социальных группах и говоря, что стереотипные представления складываются у носителя того или иного языка относительно предметов и явлений, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни. Е. Л. Вилинбахова пишет: «Примерами стереотипных признаков могут быть черные полосы на рыжей шкуре тигра, желтый цвет и кислый вкус лимонов. Принципиально, что стереотипные признаки не обязательно верны для всех без исключения тигров и лимонов; они характерны для нормальных, типичных представителей класса и подразумеваются по умолчанию» [18, с. 22].

Таблица 1. Ответы респондентов в НАЭ

Table 1. Reactions of the respondents in the part of directed associative experiment

Зооним-стимул	Перевод	Количество вариантов ответов	Наиболее частотные характеристики	Перевод
Aap	Обезьяна	75	grappig, slim, gek	смешная, умная, сумасшедшая / потешная
Beer	Медведь	58	groot, sterk , bruin, gevaarlijk	большой, сильный, коричневый, опасный
Bok	Козел	60	koppig, stinkend, oud, geil	упрямый, вонючий, старый, похотливый
Eend	Утка	74	kwakend, waggelend, grappig, dom	крякающая, переваливающаяся, смешная, глупая
Ezel	Осел	50	koppig, dom , balkend	упрямый, глупый, кричащий
Haan	Петух	64	kraaiend, trots, luid, bazig	кукарекающий, гордый, громкий, начальственный
Hond	Собака	44	trouw, blaffend, vriendelijk	верная, лающая, приветливая
Kalf	Теленок	45	lief, jong, dom	милый, молодой, глупый
Koe	Корова	71	dom, gevlekt, loeiend, lief	глупая, пятнистая, мычащая, милая
Konijn	Кролик	63	lief, zacht	милый, мягкий
Kraai	Ворона	61	zwart, slim, krassend	чёрная, умная, каркающая
Lam	Ягненок	42	onschuldig, schattig, mak	невинный, милый, кроткий
Muis	Мышь	48	klein, grijs, stil , snel	маленькая, серая, тихая, быстрая
Paard	Лошадь	65	edel, mooi, groot, hinnikend, elegant	благородная, красивая, большая, ржёт, элегантная
Pad	Жаба	62	vies, glibberig, slijmerig, dik	противная, скользкая, склизкая, толстая

Зооним-стимул	Перевод	Количество вариантов ответов	Наиболее частотные характеристики	Перевод
Poes	Кошка	62	lief, zacht, spinnend, eigenwijs, vals	милая, мягкая, мурлыкающая, себе на уме, коварная
Tijger	Тигр	56	gevaarlijk, mooi, gestreept, snel	опасный, красивый, полосатый, быстрый
Varken	Свинья	52	vies, knorrend, roze, dik, slim	противная, хрюкающая, розовая, толстая, умная
Vis	Рыба	66	glibberig, glad, koud, zwemmend, nat	скользкая, гладкая, холодная, плавающая, мокрая
Vlieg	Муха	33	vervelend, irritant, vies	надоедливая, раздражающая, противная
Zalm	Лосось	55	lekker, roze, zwemmend	вкусный, розовый, плавающий

Вслед за Е. Бартминым [15], Е. А. Вилинбаховой [18], С. М. Толстой [19], В. В. Красных [20] и др. мы будем понимать стереотип как «субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [15, с. 189].

Понятие стереотипа может использоваться в исследованиях для описания лингвистических явлений. Например, Р. В. Гиббс и Н. С. МакКаррелл [21] использовали это понятие при исследовании тавтологических конструкций типа *мальчики есть мальчики*, которые подразумевают наличие общего стереотипного представления о мальчиках у носителей одного языка. Интересно отметить, что Р. В. Гиббс и Н. С. МакКаррелл выделяют сильные и слабые стереотипы, которые с большей или меньшей легкостью узнаются в исследуемых ими конструкциях. Самыми сильными, по мнению ученых, являются стереотипы людей, т. е. их гендерные, возрастные, социальные, профессиональные роли (женщина, старик, отец, учитель); затем следуют абстрактные понятия (любовь, война, бизнес); и лишь затем стереотипы конкретных предметов (чашка, телефон). Последние обычно оказываются слабыми.

Другим примером исследования стереотипов в лингвистическом исследовании является работа Ж. Клебера [22], посвященная ассоциативной анафоре, которую он объясняет через стереотип. Ж. Клебер продолжает исследования Б. Фрадена [23] в этой области. Проиллюстрировать обе работы можно следующим примером: *Il s'abrita sous un vieux tilleul. Le tronc était tout craquelé* – Он укрылся под старой липой. Ствол был весь покрыт трещинами – при упоминании ствола возможен определенный артикль *le* [23, р. 328], т. к. ствол входит в стереотипное представление о дереве вообще и о липе в частности.

Стереотип может выступать и как объект исследования. Е. Бартминский [15] предлагает использовать для этого различные типы языковых данных, которые могут быть представлены следующим списком: 1) способы номинации предметов и внутренняя форма их названий (например, *немец* от *немой*); 2) косвенные (переносные) значения слов, зафиксированные в словарях (например, *лиса* – и животное, и хитрый человек); 3) значения некоторых дериватов, например, прилагательных, глаголов и наречных выражений (ср.: *обезьянничать* в значении *подражать*); 4) фразеологизмы – как с признаком подразумеваемым (*лошадиная доза* – очень большая доза), так и с выражением *expressis verbis* (здоровый как бык); 5) пословицы; 6) семантическая структура сложных предложений. Например, предложение «*Это собака, но она не кусается*» подразумевает, что обычно собаки кусаются.

В последнее время все чаще пользуются популярностью исследования стереотипов зоонимов на базе различных языков. Так, можно отметить исследования М. В. Горбенко [24], К. А. Добриковой [25], в статье О. В. Кирпичевой [26] под зоонимом понимается кличка животного. Однако на материале нидерландского языка таких исследований не существует. А. Ковальска-Шуберт [27] в своей диссертационной работе проводит классификацию нидерландских пословиц и поговорок с зооморфным элементом, но данная классификация строится по структурному принципу и не охватывает проблему стереотипного восприятия животных в нидерландском языке.

Таким образом, новизна проводимого исследования заключается в комплексном рассмотрении фразеологических единиц (далее ФЕ) с зооморфным компонентом нидерландского языка в контексте стереотипного восприятия животных носителями языка. Актуальность исследования заключается в необходимости рассмотрения стереотипного восприятия животных в Нидерландах

и сравнения использования и восприятия зоонимов во фразеологии и в свободном употреблении.

В данной статье мы сосредоточимся на различии в восприятии зоонимов во ФЕ и при свободном употреблении и обратимся к результатам лингвистического эксперимента, в котором использовались фразеологизмы. Как пишет Е. Л. Вилинбахова, «для выявления наиболее закрепленных и автоматизированных стереотипных признаков подходят словари и фольклорные тексты, для получения большего разнообразия признаков – экспериментальные данные и корпуса текстов, как специально сбалансированные и отобранные, так и спонтанно выявленные через поисковые системы Интернета» [18, с. 27].

Описание эксперимента

В 2017 г. при помощи онлайн-опроса и статистических инструментов Google² был проведен ассоциативный эксперимент, ставивший целью выявить, какие ассоциации вызывают у носителей нидерландского языка

различные образы животных. Самое общее описание методики такого эксперимента дано, например, в работе Р. М. Фрумкиной: «Информантам предъявляется некий набор слов-стимулов. Инструкция предлагает в качестве реакции написать первое же слово (или несколько слов), которые приходят в голову как ответ на предъявленный стимул» [28, с. 190].

В качестве метода сбора и анализа языковых данных была использована техника направленного ассоциативного эксперимента. Как отмечает О. Е. Виноградова, этот метод «дает очень важные сведения для описания семантики слова как реальности языкового сознания носителя языка» [29, с. 67]. Методику проведения такого эксперимента кратко описывает Е. И. Горошко: «направленный значительно ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы "направляет" ассоциации в нужное русло, например, требуя от испытуемого дать слово, противоположное по значению, синоним, или же те или иные синтагматические реакции: определения, определяемые,

Таблица 2. Ответы респондентов в ФНАЭ

Table 2. Responses in the directed phraseological associative experiment

Зооним-стимул	Перевод	Количество вариантов ответов	Наиболее частотные характеристики	Перевод
Aal	Угорь	9	glad, glibberig	гладкий, скользкий
Aap	Обезьяна	36	gek, lenig, slim, trots, lelijk	сумасшедшая, гибкая, умная, важная, уродливая
Ezel	Осел	14	koppig, dom, stom	упрямый, глупый, тупой
Naas	Заяц	5	snel, bang	быстрый, трусливый
Hond	Собака	20	trouw, ziek, moe	верная, больная, усталая
Kat	Кот	58	lenig, vals, sluw, eigenwijs	гибкий, коварный, хитрый, упрямый
Kreeft	Рак	18	rood	красный
Kwartel	Перепел	43	doof, dartel, dom	глухой, резвый, глупый
Lammetje	Ягненок	19	mak, zacht, onschuldig	кроткий, мягкий, невинный
Mier	Муравей	21	ijverig, klein, vlijtig, sterk	усердный, маленький, трудолюбивый, сильный
Mol	Крот	21	blind	слепой
Oester	Устрица	43	gesloten	закрытая
Pauw	Павлин	6	trots, arrogant, mooi	важный, высокомерный, красивый
Pier	Червяк	23	dood, glad	мёртвый, гладкий
Rund	Бык	23	dom, sterk, dik, lomp	глупый, сильный, толстый, неуклюжий
Slak	Улитка	5	traag, sloom, langzaam, slijmerig	медлительная, склизкая
Vogel	Птица	20	vrij, vlug	свободная, быстрая
Vos	Лис	6	sluw, slim	хитрый, умный
Wezel	Ласка	38	bang, sluw, slim, snel	трусливая, хитрая, умная, быстрая

² Опросник, выполненный в Google Forms: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc2_gcmFWrUbrxJoKjEiBiHK7v3CBSoSpTYAXFj_ROk88k8og/viewform

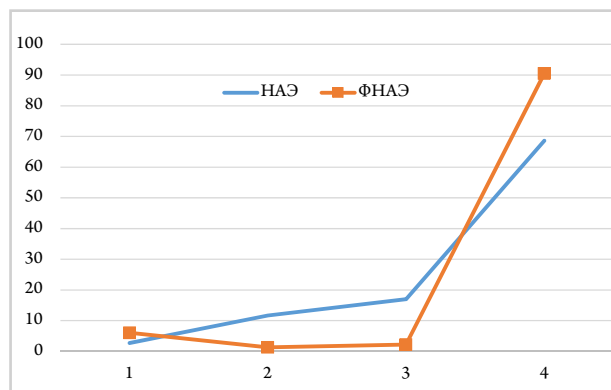

Рис. 1. Соотношения качеств собаки, названных в направленных ассоциациях и фразеологии

Fig. 1. Correlation of stereotypes of dog reflected in directed associations and phraseology

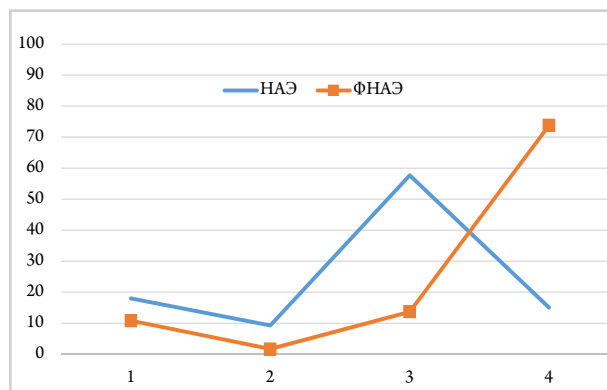

Рис. 2. Соотношения качеств ягненка, названных в направленных ассоциациях и фразеологии

Fig. 2. Correlation of stereotypes of lamb reflected in directed associations and phraseology

Таблица 3. Ответы респондентов на зооним-стимул *hond* (собака) в НАЭ и ФНАЭ

Table 3. Responses to the zoonym "hond" (dog) in both parts of the experiment

НАЭ			ФНАЭ		
trouw	верная	134	Trouw	верная	196
blaffend	лающая	21	Ziek	больная	8
vriendelijk	дружелюбная	6	Moe	усталая	4
lief	милая	6	Braaf	послушная	4
braaf	послушная	6	–	–	–
dom	глупая	5	–	–	–
aanhankelijk	привязчивая	4	–	–	–
loyaal	преданная	3	–	–	–

глаголы, прилагательные и проч.» [30, с. 54]. Таким образом, отличием этой разновидности эксперимента от более распространенного массового свободного эксперимента [31, с. 100] является стремление «сузить зону ассоциативного поиска у испытуемого» [32, с. 95].

Ограничение ассоциативных реакций респондентов проводилось нами по двум принципам. В первом случае – по частеречному признаку, т. е. в инструкции испытуемых просили дать прилагательное в качестве реакции на название животного. Это стимулировало респондентов давать животным характеристики, а не связывать их, например, с местом обитания. Причастия также принимались как корректный ответ. Второй способ ограничить область поиска испытуемых – фразеология. Именно в устойчивых выражениях языка стереотипное восприятие того или иного объекта действительности имеет фиксированное языковое выражение. В этом случае респондентам предлагалось дополнить устойчивые сравнения, в которых составители эксперимента опустили характеристику животного, выраженную прилагательным. Например, в сравнении *zo bang als een haas* (трусливый

как заяц) опускалось прилагательное *bang* (трусливый), которое предлагалось восстановить.

В качестве фразеологизмов были выбраны устойчивые сравнения типа *zo sterk als een beer* (сильный как медведь). Как отмечает В. М. Мокиенко, «принадлежность устойчивых сравнений к общей фразеологической системе национального языка подтверждается их структурно-семантической связью и даже переходностью к фразеологизмам других структур» [33, с. 38]. Исходя из этого утверждения, устойчивые сравнения могут считаться репрезентативной областью фразеологии. К тому же, как отмечает Е. В. Иванова, «фразеология представляет собой богатый материал для анализа концептуализации мира в языковой семантике» [34, с. 47]. Сравнения, образованные по этой модели, обязательно включаются во фразеологические словари нидерландского языка. Важно учитывать, что образованные по данной модели сравнения могут образовываться окказионально, но этот факт только подтверждает открытость модели, которая, с одной стороны, может отражать закрепленные в языке характеристики животных, а с другой – благодаря своей

продуктивности предоставляет респондентам относительную свободу в выборе ассоциаций. Таким образом, эксперимент включал в себя две части. Полученные данные были обработаны как статистическими инструментами *Google*, так и вручную. Всего в опросе приняли участие 235 человек из Нидерландов, Фландрии и с Антильских островов, от 1934 до 1998 года рождения, которые указали в качестве родного языка нидерландский.

В качестве формы проведения была выбрана письменная, несмотря на опасность исчезновения «одной из необходимых составляющих этого эксперимента – спонтанности реакции» [30, с. 56]. Это было обусловлено желанием получить данные от наибольшего числа респондентов, и письменная форма эксперимента как нельзя лучше отвечала этой цели. Кроме этого, Е. В. Бочкарева отмечает, что при такой форме проведения у испытуемого больше времени для ответа, и он работает в удобном для себя темпе [35]. В работе Т. А. Ершовой указывается и на связь выбора формы эксперимента с национальностью испытуемых [36, с. 21]. Исследователь отмечает, что немцы предпочитают письменные формы проведения экспериментов, т.к. привыкли участвовать в процедурах анкетирования и тестирования, в то время как русские информанты предпочитают отвечать устно. Респонденты немецкой национальности тратят в два-три раза меньше времени на заполнение анкеты. В связи с культурной и географической близостью Нидерландов и Германии, а также со схожестью системы образования мы осмелились распространить выводы Т. А. Ершовой о предпочтительности письменной формы проведения эксперимента на нидерландцев.

Раздел I. Направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ)

В таблице 1 представлены ответы респондентов на зоонимы-стимулы, вошедшие в Раздел I. Здесь также приведены наиболее частотные признаки животных, названные респондентами, полужирным выделены те признаки, которые совпадают с характеристиками, зафиксированными во фразеологизмах. Полужирным курсивом выделены зоонимы, которые предлагались в качестве стимула как в Разделе I, так и в Разделе II.

Большое количество вариантов ответов в Разделе I не вызывает удивления. Характеристики, которые участники эксперимента дали животным, можно подразделить на четыре типа.

1. Физические характеристики, т. е. некоторые физические особенности того или иного животного, которые, как правило, очевидны и не являются культурно обусловленными. Например, никто не может поспорить с тем, что рыба мокрая и холодная, а тигр полосатый.

2. Поведенческие характеристики, т. е. особенности поведения, которые отличают то или иное животное. Например, кошке свойственно мурлыкать, а свинье – хрюкать.

3. Оценочные характеристики, т. е. то, как животное воспринимается человеком. Например, принято считать, что ягненок милый и невинный (хотя новорожденный теленок, несомненно, не менее невинный), а муха – надоедливая (хотя ворона тоже надоедает своим карканьем).

4. Черты характера, т. е. душевные качества и интеллектуальные способности, входящие в стереотипный образ того или иного животного. Например, собака считается верной, а корова – глупой.

Типы 3 и 4 нередко оказываются взаимосвязанными: ягненок своей кротостью заставляет считать себя милым, но если кротость – это черта характера, душевное качество, приписываемое ягненку, то *милый* – это оценочная характеристика, реакция человека на это качество. То же самое с обезьяной: ее считают с одной стороны сумасшедшей (черта характера), а с другой – смешной (оценка).

Практически всех животных можно охарактеризовать с точки зрения первых трёх типов свойств. Даже муха получает оценочные характеристики (надоедливая). Однако не все животные обладают чертами характера. В Разделе I черты характера приписываются примерно половине животных: ягненку (кроткий), собаке (верная), теленку (глупый), ослу (упрямый, глупый), свинье (умная), козлу (упрямый), вороне (умная), кошке (коварная, себе на уме), петуху (гордый), корове (глупая), утке (глупая) и обезьяне (умная). Эти животные представляются наиболее интересными с точки зрения рассмотренных их стереотипных образов.

Раздел II. Фразеологический направленный ассоциативный эксперимент (ФНАЭ)

Исходя из того, что предлагаемые респондентам в этом разделе (в усеченном виде) конструкции закреплены в языке, можно было предположить, что количество ответов не будет отличаться большой вариативностью. Однако количество вариантов ответов здесь не сводится к тем единицам, которые зафиксированы в словарях, а доходит до половины от количества вариантов ответов в НАЭ. В таблице 2 представлены ответы на стимулы ФНАЭ.

В данном разделе чертами характера обладают также около половины животных: заяц (трусливый), павлин (важный, грубый), лис (хитрый, умный), муравей (усердный, трудолюбивый), бык (глупый), ласка (трусливая, хитрая, умная), перепел (глупый) и кошка (коварная, хитрая, упрямая) получили характеристики, которые можно отнести к четвертому типу. При этом в ФНАЭ, как и в НАЭ, характеристики, которые были даны животным,

не всегда связаны с закрепленными во фразеологии. Так, стереотипные образы включают в себя больше качеств, чем закреплено во фразеологии. Однако качества, отраженные во фразеологизмах, также встречаются в ответах, например, птица ассоциируется со свободой: *zo vrij als een vogel* (свободный как птица). Иными словами, стереотипный образ включает в себя качества, отраженные во фразеологии, но не исчерпывается ими.

Соотношение между стереотипными образами зоонимов, включенными как в НАЭ, так и в ФНАЭ

Пытаясь ответить на вопрос, в какой мере связаны между собой стереотипные образы животных, отраженные с одной стороны в свободных ассоциациях, а с другой – во фразеологии, остановимся подробно на зоонимах, включенных в оба раздела эксперимента. Это, в частности, собака, обезьяна, осёл и ягнёнок. Сравним полученные ответы респондентов, предварительно разделив их по четырем группам в соответствии с четырьмя типами характеристик: 1 – физические качества, 2 – поведенческие качества, 3 – оценочные характеристики, 4 – черты характера.

Стереотипный образ собаки на основании ответов респондентов двух экспериментов представлен на рисунке 1. Оба графика более или менее совпадают: в обеих частях респонденты назвали больше черт характера, приписываемых собаке, чем характеристик, входящих в остальные три типа. Такое же совпадение графиков наблюдается и для остальных животных, включенных в обе части эксперимента. В образе осла так же, как и в образе собаки, преобладают характеристики, приписываемые животному черты характера, тогда как образ обезьяны отмечен в основном оценочными характеристиками. Исключение составляет лишь образ ягнёнка (рис. 2), для которого в НАЭ было дано больше оценочных характеристик, а в ФНАЭ больше черт характера.

Это можно объяснить тем, что формы зоонима в НАЭ и в ФНАЭ не совпадали: в ФНАЭ было предложено сравнение *zo tak als een lammetje* (кроткий как ягнёнок) (таблица 2), где зооним употреблен с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что сузило область восприятия животного и обеспечило более точное совпадение с закрепленным в словаре устойчивым сравнением, где названа именно черта характера – *tak* (кроткий).

Совпадение характеристик образа собаки прослеживается и в детальных ответах респондентов (таблица 3).

Большинство респондентов посчитало собаку верной. Примечательно, что эта характеристика не встречается в устойчивых сравнениях, зафиксированных в слова-

рях, где собака является больной и усталой. Однако стереотипный образ верной собаки настолько силен, что он повлиял и на распределение ответов в ФНАЭ. Кроме того, онлайн-поиск позволяет заключить, что в современном нидерландском уже широко используется выражение *zo trouw als een hond* (верный как собака), которое еще не закреплено в словаре. Это свидетельствует о подвижности стереотипного образа и его влиянии, в частности, на формирование новых фразеологизмов. В противовес предположению, что устойчивые сочетания способны влиять на наше восприятие действительности, можно сделать и обратное заключение о том, что они сами подвержены влиянию изменчивого стереотипного образа.

Выводы

1. Характеристики животных, которые называют респонденты, можно разделить на четыре типа: физические, поведенческие и оценочные характеристики и черты характера.

2. В образе животного, как правило, выделяется тот или иной тип характеристик, выходящих на первый план, например, черты характера в образе собаки и осла, или оценочные характеристики в образе обезьяны. Собака воспринимается носителями нидерландского языка как верная, осел как глупое животное, а обезьяну характеризуют как смешную. В целом стереотипное восприятие этих животных совпадает в нидерландском и русском языках.

3. Тип характеристик, выделяющийся в стереотипном образе, в НАЭ и ФНАЭ совпадает; это позволяет говорить о том, что в свободных ассоциациях и во фразеологии стереотипные образы одного и того же животного в основном сходны, хотя имеются и небольшие различия в деталях. Так, собаке при свободном употреблении зоонима приписываются в первую очередь признаки *верная, лающая, дружелюбная*, а при употреблении во фразеологии – признаки *верная, больная, усталая*. Последние два признака этого зоонима в ФЕ (больная, усталая) можно считать реликтовыми в ЯКМ нидерландцев, они не совпадают со стереотипным восприятием собаки в русском языке.

4. В противовес предположению, что устойчивые сочетания способны влиять на наше восприятие действительности, можно сделать и обратное заключение о том, что они сами подвержены влиянию изменчивого стереотипного образа. Так, признак верности собаки закреплен в стереотипном восприятии этого образа, но не отражен в ФЕ во фразеологических словарях. Тем не менее это самый частотный признак в ФНАЭ.

Литература

1. Иванова Е. В. О гнездах, коровах и крае земли (о реконструкции языковой картины мира) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 1. С. 136–143.
2. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. 1989. С. 34–55.
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
4. Антология концептов / ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
5. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Странствия русской души // Культурное пространство путешествий: материалы науч. форума, 8–10 апреля 2003 г. СПб., 2003. С. 179–181.
10. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
11. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2002. 142 с.
12. Балашова Е. Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 22 с.
13. Van Dijk T. A. Prejudice in discourse. An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation. 1984. 170 p.
14. Силантьев И. В., Шатин Ю. В. Дискурс и стереотип // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 10–17.
15. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
16. Putnam H. The meaning of "meaning" // Language, Mind and Knowledge. 1975. Vol. 7 № 13. P. 131–193.
17. Lippmann W. Public opinion. Wading River, Long Island, 1921. 266 p.
18. Вилинбахова Е. Л. Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования? // Проблемы языка: сб. научн. ст. по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка взгляд молодых ученых», 20–22 сентября 2012 г. М., 2012. С. 19–28.
19. Толстая С. М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции, 8–12 сентября 2012 г. Екатеринбург, 2009. С. 262–264.
20. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
21. Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why Boys Will Be Boys and Girls Will Be Girls: Understanding Colloquial Tautologies // Journal of Psycholinguistic Research. 1990. № 19. P. 125–145.
22. Kleiber G. The possessive *via* associative anaphor // From NP to DP. Vol. 2: The expression of possession in noun phrases, 2003. P. 43–71.
23. Fradin B. Anaphorisation et stereotypes nominaux // Lingua. 1984. Vol. 64. № 4. P. 325–369.
24. Горбенко М. В. Стереотипы восприятия зоонимов в межкультурных коммуникациях: на примере диаспор г. Костаная: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 241 с.
25. Добрикова К. А. Бестиарий в национальной языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 215 с.
26. Кирпичева О. В. Зоонимические стереотипы (на материале экспериментального исследования) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10. С. 92–95.
27. Kowalska-Szubert A. J. De kool en de geit. Nederlandse vaste verbindingen met een dier- of plantelement. Utrecht: Led. Proefschrift Rijksuniversiteit Leiden, 1996. 179 p.
28. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
29. Виноградова О. Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 66–73.
30. Горошко Е. И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 53–61.
31. Уфимцева Н. В. Системность языкового сознания носителя языка как отражение системности культуры // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 98–108.

32. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во ленинградского университета, 1989. 184 с.
33. Мокиенко В. М., Володина Т. В., Кузнецова И. В., Савченко А. В. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. СПб.: Грайфсвальд, 2016. 278 с.
34. Иванова Е. В. Фразеологическая репрезентация концепта // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 55. С. 46–51.
35. Бочкарева Е. В. Влияние формы эксперимента на ядро ассоциативного поля младшего школьника // Проблемы детской речи: материалы Всерос. конф., 24–26 ноября 1999 г. СПб., 1999. С. 35–39.
36. Ершова Т. А. Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 163 с.

Stereotyped Perception of Animals in the Dutch Language: the Results of a Linguistic Experiment

Ekaterina V. Tereshko ^{a, b, @, ID}

^a Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034

^b Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

@ katja.tereshko@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-1916-1851>

Received 05.10.2018. Accepted 28.01.2019.

Abstract: The article describes the results of an associative experiment conducted in 2017, which involved 235 respondents. The author identified stereotyped characteristics of animals in Dutch. On the one hand, the characteristics manifest themselves in free associations with the zoonym. On the other hand, they can be obtained from sustainable comparisons, e. g. "as stupid as a donkey". These comparisons are seen as a sort of phraseological constructions. The experiment had two parts. In the "free associations" part, the respondents had to give a spontaneous reaction on a zoonym as stimulus, while in the "phraseological" part they had to add a missing adjective in a sustainable comparison. The author also intended to reveal the connections between the stereotyped perception of animals reflected in free associations and phraseology. The phraseological part of the experiment resulted in a larger amount of answers than expected. A comparative analysis showed that the stereotyped perception coincided in phraseology and free associations. In addition, the stereotyped perception changes with time and can produce new phraseological units.

Keywords: stereotype, cognitive linguistics, associative experiment, directed associative experiment, zoonym, phraseology

For citation: Tereshko E. V. Stereotyped Perception of Animals in the Dutch Language: the Results of a Linguistic Experiment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 285–296. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296>

References

1. Ivanova E. V. On nests, cows and ends of the earth (on the reconstruction of the language picture of the world). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2014, (1): 136–143. (In Russ.)
2. Lado R. Linguistics over the boundaries of cultures. *New in foreign linguistics. Vol. XXV: Contrastive linguistics*, 1989, 34–55. (In Russ.)
3. Vorkachev S. G. *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow: Gnozis, 2004, 192. (In Russ.)
4. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, Vol. I, 352. (In Russ.)
5. Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition*. Thans. from Eng. M.: Russkiye slovari, 1997, 411. (In Russ.)
6. Kubriakova E. S., Demiankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Iu. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 245. (In Russ.)
7. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki, 2006, 226. (In Russ.)

8. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
9. Pimenova M. V., Kondrateva O. N. Wanderings of the Russian Soul. *Cultural Travel Space: Proc. Sci. Conf.*, April 8–10, 2003. Saint-Petersburg, 2003, 179–181. (In Russ.)
10. Pimenova M. V. *Soul and spirit: features of conceptualization*. Kemerovo: Grafika, 2004, 386. (In Russ.)
11. Vorkachev S. G. *The concept of happiness in the Russian language consciousness: the experience of linguoculturological analysis*. Krasnodar: Izd-vo KubGTU, 2002, 142. (In Russ.)
12. Balashova E. Iu. *Concepts love and hate in Russian and American linguistic minds*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2004, 22. (In Russ.)
13. Van Dijk T. A. *Prejudice in discourse. An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation*. 1984, 170.
14. Silant'ev I. V., Shatin Yu. V. Discourse and stereotype. *Critique and Semiotics*, 2014, (1): 10–17. (In Russ.)
15. Bartmin'skii E. *The linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics*. Moscow: Indrik, 2005, 527. (In Russ.)
16. Putnam H. The meaning of "meaning". *Language, Mind and Knowledge*, 1975, 7(13): 131–193.
17. Lippmann W. *Public opinion*. Wading River, Long Island, 1921, 266.
18. Vilinbakhova E. L. The stereotype in linguistics: an object or a research tool? *Problems of the language: Proc. First Conference-School "Problems of Language and the View of Young Scientists"*, September 20–22. Moscow, 2012, 19–28. (In Russ.)
19. Tolstaia S. M. Stereotype and picture of the world. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proc. Intern. Sci. Conf.*, September 8–12, 2012. Yekaterinburg, 2009, 262–264. (In Russ.)
20. Krasnykh V. V. "Own" among "alien": myth or reality? Moscow: Gnozis, 2003, 375. (In Russ.)
21. Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why Boys Will Be Boys and Girls Will Be Girls: Understanding Colloquial Tautologies. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1990, (19): 125–145.
22. Kleiber G. The possessive via associative anaphor. *From NP to DP. Vol. 2: The expression of possession in noun phrases*, 2003, 43–71.
23. Fradin B. Anaphorisation et stereotypes nominaux. *Lingua*, 1984, 64(4): 325–369.
24. Gorbenko M. V. *Stereotypes of perception of zoonyms in intercultural communications: an example of the diasporas of Kostanay*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2009, 241. (In Russ.)
25. Dobrikova K. A. *Bestiary in the national linguistic picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2005, 215. (In Russ.)
26. Kirpicheva O. V. *Zoonymic stereotypes (based on empiric research)*. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2016, (9-10): 92–95. (In Russ.)
27. Kowalska-Szubert A. J. *De kool en de geit. Nederlandse vaste verbindingen met een dier- of plantelement*. Utrecht: Led. Proefschrift Rijksuniversiteit Leiden, 1996, 179.
28. Frumkina R. M. *Psycholinguistics*. Moscow: Akademiia, 2001, 320. (In Russ.)
29. Vinogradova O. E. Directed associative experiment for describing word semantics. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A. I. Gertsena*, 2013, (161): 66–73. (In Russ.)
30. Goroshko E. I. Problems of conducting a free associative experiment. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2005, (3): 53–61. (In Russ.)
31. Ufimtseva N. V. System of verbal consciousness of native speaker as the reflection of the system of culture. *Russkii iazyk za rubezhom*, 2011, (4): 98–108. (In Russ.)
32. Saharnyi L. V. *Introduction to Psycholinguistics*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1989, 184. (In Russ.)
33. Mokienko V. M., Volodina T. V., Kuznetsova I. V., Savchenko A. V. *Stable comparisons in the phraseology system*. Saint-Petersburg: Graifsveld, 2016, 278. (In Russ.)
34. Ivanova E. V. Phraseological representation of a concept. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii*, 2015, (55): 46–51. (In Russ.)
35. Bochkareva E. V. Influence of the form of the experiment on the core of the associative field of the younger student. *Problems of children's speech: Proc. Vseros. Conf.*, November 24–26, 1999. Saint-Petersburg, 1999, 35–39. (In Russ.)
36. Ershova T. A. *Russian-German associative portraits (interpretation experience)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1998, 163. (In Russ.)